

УДК 159

*Г.С. Прыгин***КВАНТОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ СОЗНАНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ**

В статье рассматриваются философские и психологические аспекты построения квантовых концепций сознания. Констатируется, что на данном этапе развития как квантовой физики, так и психологии, полноценных квантовых теорий сознания не существует. Показано, что на основе некоторых феноменов, открытых в квантовой физике, можно выдвинуть гипотезу о полевой природе бессознательного (психического). Кроме того, использование категории «психического» как основного предмета психологии позволяет преодолеть перманентный кризис в науке, а также включить в сферу научных исследований психические феномены, которые ранее оставались за рамками изучения.

Ключевые слова: квантовая механика, мультивселенная, сознание, бессознательное, субъективная реальность, предмет психологии, язык психологии.

Анализ квантовых теорий сознания позволяет, к сожалению, констатировать, что отвечающих всем требованиям (канонам) современной науки среди них не существует: они построены в основном на вероятностных предположениях о том, что некоторые законы квантовой механики и теории относительности могут быть использованы для объяснения феномена сознания и наоборот, феномен сознания привлекается для объяснения имеющихся противоречий в квантовой теории (примеры последнего – работы М.Б. Менского [4], Р. Пенроуза [11], А. Госвами [1] и др.).

Прежде чем рассматривать квантовые теории сознания и теорию «многомирия» Эверетта (именно его идеи лежат в основе практически всех квантовых теорий сознания), проанализируем сначала, как относятся к концепции *мультивселенной* космологи и физики: можно ли с научной точки зрения говорить о мультивселенной? Является ли понятие *мультивселенной* проверяемым или фальсифицируемым? Может ли понятие «мультивселенная» помочь объяснить то, что иными способами объяснить нельзя? Примерно такими вопросами и задается Б. Грин, обсуждая проблему *мультивселенной* [2].

В частности, он пишет: «Критика понятия мультивселенной также зависит от понимания сути науки. Общие рассуждения обычно основаны на том, что наука является поиском закономерностей в нашей Вселенной, объяснением того, как эти закономерности отражают и подтверждают фундаментальные законы природы, а также проверкой предполагаемых законов путём формулировки предсказаний, которые можно проверить или опровергнуть экспериментальным путём или в наблюдениях. Но сколь бы разумным ни было такое определение, оно обходит стороной тот факт, что настоящий научный процесс гораздо менее упорядочен и что постановка правильных вопросов зачастую так же важна, как получение и проверка предлагаемых ответов... сегодняшние вопросы зачастую обусловлены вчерашними достижениями. Как правило, прорывы в понимании дают ответы на часть вопросов, но одновременно приводят ко многим другим, о которых раньше и подумать было нельзя. При оценке любой идеи, включая теории с мультивселенными, необходимо принимать во внимание не только её способность выявлять скрытые истины, но также её влияние на задачи, к которым мы намереваемся подступить. То есть, влияние на саму научную деятельность» [2. С. 177].

В приведенном высказывании Б. Грин совершенно верно подчеркивает роль и значение «правильно поставленных вопросов» для фундаментального прорыва в науке. Постановка таких вопросов является, по сути, основой для формулировки принципиально новых гипотез и парадигм. Кроме того, без них нельзя рассчитывать на получение качественно нового знания; причем такие новые знания в современной науке второй половины XX в. и начале XXI в. все больше опираются на теории, которые формулируются на основе «недоступных критериев» – таких, которые нельзя увидеть, ощутить или непосредственно зафиксировать; однако, пример квантовой механики и теории относительности, доказывая их достоверность, выводит подобную «недоступность» на качественно новый уровень. Следовательно, «...теория мультивселенной может обладать значительной предсказательной силой и иметь потенциальную возможность оказать неопределимое влияние на ход научных исследований». И далее «Анализ (концепции мультивселенной. – Г.П.) должен быть аккуратными и методичным. Од-

нако отворачиваться от мультивселенной только потому, что она *могла бы* завести в тупик, также рискованно. Если мы так поступим, мы закроем глаза на реальность» [2. С. 201]. В этом собственно и выражается отношение автора к теориям мультивселенной, и в связи с этим, мы можем говорить о том, что идея мультивселенной не является антинаучной, более того, она дает возможность формулировать новые гипотезы относительно существующей реальности.

Концепции мультивселенных, разрабатываемые физиками, касаются в основном различных космологических теорий (таких, как, например, струнный ландшафт, вечная инфляция, миры на бранах и пр.). Нас же прежде всего интересует особая теория мультивселенной, возникающая в недрах квантовой физики. По ее поводу мнения физиков разделились, и основной водораздел проистекает «из глубокой и до сих пор не решённой проблемы перехода от вероятностной интерпретации квантовой механики к определённости повседневной реальности» (Там же).

Американский физик Хью Эверетт в 1954 г. представил принципиально новый взгляд на квантовую механику, выдвинув допущение о существовании бесконечного числа классических реальностей и математически показав, что для правильной интерпретации квантовой механики необходимо признание существования мультивселенной (бесконечного количества параллельных вселенных), и наша вселенная только одна из возможных ее частей. Теория Эверетта стала впоследствии называться многомировой интерпретацией квантовой механики (или теорией «многомирия»), а благодаря работам таких выдающихся физиков, как Дж. Уилер и (главное) Б. ДеВитт, получила свое дальнейшее развитие и распространение. Именно ДеВитт в 1970 г. вывел из тени основные идеи Эверетта, опубликовав в популярном журнале его вывод о том, что мы являемся частью огромного «мультимира». Статья получила большой отклик среди физиков, ставших к тому времени более лояльными к экспериментам с ортодоксальной квантовой идеологией, что и привело к продолжающимся по настоящее время спорам об устройстве существующей реальности, которой управляют квантовые законы.

До того, как рассмотреть суть теории Эверетта, остановимся на некоторых положениях квантовой механики, без понимания которых невозможно понять и оценить идеи Эверетта. Воспользуемся для этого содержанием работы Б. Грина, который, с нашей точки зрения, излагает эти сложнейшие положения в наиболее доступной форме (не скатываясь, при этом в популизм).

Он пишет, что «переворот в понимании, произошедший примерно между 1900 и 1930 годами, привёл к безжалостному удару по нашей интуиции, здравому смыслу и всем известным законам «классической физики» – термином, который отражает авторитет и уважение к картине реальности – определённой, удовлетворительной и обладающей предсказательной силой. Реальности, в которой то, что происходит сейчас, позволяет, воспользовавшись законами классической физики, предсказать, что будет в любой последующий момент времени или что было в любой предшествующий момент времени. Квантовая революция потребовала отказа от классической точки зрения потому, что новые результаты ясно продемонстрировали её неправильность. Классические законы прекрасно подходят для описания и предсказания движения больших объектов, но при переходе в микромир молекул, атомов и субатомных частиц законы классической физики перестают работать. Наперекор самой сути классических рассуждений, например, если вы проведёте одинаковые эксперименты с участием одинаково подготовленных, любых одинаковых частиц, то, как правило, получить одинаковые результаты невозможно [2. С. 204].

Принципы и закономерности, благодаря которым физика является строгой и предсказательной дисциплиной, проявятся только в том случае, если этот эксперимент будет проводиться много раз, поэтому искомая закономерность обнаружится в *статистическом распределении* результатов многих измерений. Таким образом, в микромире вероятностная природа реальности становится основной. Проще говоря, при переходе к квантовой физике перестает действовать главный объяснительный (предсказательный) принцип классической физики – принцип детерминизма (причинности), и все явления начинают подчиняться вероятностному (предсказательному) принципу. Особенно важно то, что вероятностный принцип квантовой механики применим (как отмечает Б. Грин) не только к электронам и ко всем типам частиц, но и позволяет предсказывать также их положения, скорости, энергии и их поведение в разных ситуациях: от потока нейтрино, пронизывающих всю нашу реальность, до атомных реакций в оболочках далёких звёзд.

К другому феномену квантовой механики относится существование квантовых волн («волн вероятности»), которые определяют местоположение частицы, то есть движение электрона следует считать бегущей волной. На быденном языке это трактуется примерно как то, что электрон может

одновременно являться и волной, и частицей. По поводу волн вероятности Б. Грин пишет: «...если вы захотите увидеть волну вероятности, то сам акт наблюдения разрушит ваши планы. Когда вы смотрите на волну вероятности электрона, то слово “смотрите” означает “измеряете его положение”, электрон моментально реагирует на это и занимает какое-то выделенное положение.... Отвернитесь от него и пикообразный вид волны вероятности электрона быстро расплывется, извещая о том, что снова имеется шанс обнаружить электрон во множестве мест. Снова посмотрите на электрон, его волна заново схлопнется, перераспределяясь из множества возможных положений в какое-то одно определённое место. Вкратце говоря, каждый раз, когда вы пытаетесь взглянуть на вероятностный туман, он рассеивается – схлопывается, коллапсирует – и замещается привычной реальностью... Детектор (измерительный прибор. – Г.П.) заставляет электрон отказаться от множества допустимых мест его попадания и определиться с каким-нибудь конкретным местом, которое впоследствии станет крохотной точкой на экране (этого прибора. – Г.П.)» [2. С. 213].

Для того, чтобы лучше разобраться в приведенной цитате, следует иметь в виду, что всё то бесконечное количество мест, куда может попасть электрон в эксперименте, в квантовой физике называется «суперпозицией», а «схлопывание волны вероятности» обозначается как «коллапс волновой функции», который и фиксирует данное местоположение электрона. При этом самое существенное для нас то, что сама фиксация местоположения электрона предполагает, что все остальные возможные (вероятностные) местоположения (суперпозиции) электрона исчезают. Отметим, что именно коллапс волн вероятности при измерении является основным (краеугольным) понятием классической квантовой теории (в так называемой копенгагенской интерпретации). Также важно отметить, что волны вероятности описываются уравнением Э. Шредингера, с помощью которого физики могут задавать начальное состояние вещей, а затем вычислять вероятность того, что они окажутся в одном состоянии или в другом в любой последующий момент времени.

Тонкость, однако, состоит в том, что согласно классической копенгагенской интерпретации само измерение заставляет волну схлопнуться (происходит коллапс волновой функции), что противоречит уравнению Э. Шредингера, так как это уравнение не предполагает коллапса волновой функции. Следовательно, возникает парадокс: с одной стороны, по классической копенгагенской интерпретации в момент измерения (наблюдения) фиксируется единственное местоположение частицы и все другие возможные местоположения (суперпозиции) исчезают, но, с другой стороны, согласно уравнению Шредингера, после измерения и фиксации местоположения частицы все остальные возможные ее местоположения (суперпозиции) сохраняются. Данное противоречие зафиксировано в широко известном парадоксе «кота Шредингера» (кот одновременно и жив, и мертв).

Возможное решение этого противоречия дал Эверетт в своей концепции «многомирия». Суть ее сводится к следующему. Прежде всего, Эверетт считал, что, несмотря на возникшее противоречие, уравнение Шредингера, составляющее основу квантовой физики, прекрасно согласуется с обыденным опытом, а данное противоречие можно снять, если каждое квантово-механическое вероятное событие находит свою реализацию в отдельном мире [2].

Далее, предполагается, что множество отдельных состояний, которые содержатся в суперпозиции, соответствуют множеству отдельных классических реальностей (классических миров), причем эти классические миры, как суперпозиция, существуют всегда, а «коллапс волновой функции», наступающий в момент измерения или наблюдения, только фиксирует ту или иную реальность. Было также предложено вместо понятия «коллапс волновой функции» использовать понятие «сознание наблюдателя». Полагается, что в каждом из этих миров имеется свой клон наблюдателя (который, например, в данный момент также проводит физический эксперимент с частицами). В то же время, с точки зрения каждого такого клона, происходящее воспринимается так, как будто существует только тот мир, в котором находится он, следовательно, сознание тоже клонируется по возможным мирам, но каждое из них субъективно отображает только свой мир. Весьма существенно, что в любом Эвереттовском мире действия наблюдателей согласованы друг с другом, но результаты, которые они получают в одном и том же эксперименте, разные.

Считается, что эти реальности или миры совершенно равнозначны, то есть ни один из них не более реален, чем другие. Выражая свой взгляд на природу этих реальностей, Эверетт утверждал, что с точки зрения его теории все реальности являются «настоящими» и ни одна из них не более «реальна», чем все остальные. В результате мы получаем картину многих миров (в трактовке двух ее основных авторов – Эверетта и ДеВитта). Однако эти различные классические реальности в совокупности

составляющие суперпозицию, не только несовместимы друг с другом, но и альтернативны друг другу, поскольку в обыденном смысле слова, только одна из них может существовать как действующая реальность. С точки зрения физиков, разделяющих эту теорию, лишь все вместе взятые эти возможные альтернативные классические реальности (то, что мы в обыденном смысле понимаем под реальностью) как суперпозиция представляют собой то, что называется квантовой реальностью. Таким образом, суперпозиция множества классических миров составляет единственно существующий квантовый мир (который, собственно говоря, и изучается физиками).

Как пишет М.Б. Менский, «Мы видим единственный мир вокруг нас, но это – только иллюзия нашего сознания. Фактически все возможные варианты (альтернативные состояния) этого мира существуют как миры Эверетта. Наше сознание воспринимает их все, но отдельно друг от друга: субъективное ощущение, что воспринимается один из альтернативных миров, исключает какие бы то ни было свидетельства о существовании остальных. Но объективно они существуют» [4. С. 28].

Даже если мы принимаем теорию Эверетта о существовании многих вселенных, всё равно до сих пор остается нерешенным вопрос о том, как происходит выбор именно этого, а не другого местоположения частицы в момент ее измерения или наблюдения. Другими словами, что определяет выбор именно этой, а не какой-либо другой вероятной классической реальности. Эта проблема настолько трудна, что для ее решения в настоящее время отсутствуют сколько-нибудь разработанные теории. Есть определенные концептуальные размышления, к которым и можно отнести теорию (сразу отметим, что, с нашей точки зрения, ее трудно отнести к разработанным теориям) М.Б. Менского о роли сознания в выборе той или иной реальности.

В 2000 г. М.Б. Менский предложил *отождествить сознание с разделением альтернатив* (фактически отождествив коллапс волновой функции с моментом осознания. – Г.П.). На этой гипотезе им была построена расширенная концепция Эверетта (РКЭ), или квантовая концепция сознания (ККС).

Как пишет сам автор, «...полное отождествление сознания с тем “разделением альтернатив”, которое происходит при измерении... приводит к радикальной смене точки зрения на проблему в целом и, особенно, на феномен сознания. В результате появляется прямая связь между физикой и психологией и, с более общей точки зрения, между сферой материального (представленной естественными науками) и сферой духовного (представленной гуманитарными науками и другими способами познания духовной жизни человека)» [4. С. 102].

Такое «отождествление» позволило ему объяснить многие психологические феномены, не объяснимые в рамках существующей классической научной психологии. Обратимся, далее, к самому автору, который пишет, что «отключение сознания (во сне, трансе или медитации) исключает разделение миров Эверетта друг от друга. В этом случае они все вместе доступны для того, что остается вместо сознания и что можно назвать сверхпознанием, потому что оно позволяет получать информацию, недоступную в обычном (сознательном) состоянии. Обращение к процессу сверхпознания и обратно к сознанию можно назвать сверхсознанием. Сверхсознание предоставляет доступ ко всем вариантам эволюции мира, который окружает нас (ко всем альтернативным сценариям нашего мира) и позволяет определить, какой из этих сценариев является предпочтительным. Оно позволяет получить уникальную информацию, недоступную обычным органам восприятия, и объясняет феномен сверхинтуиции или “прямого видения истины”. ... сверхсознание может не только получать информацию из всего множества миров Эверетта, но и влиять на “субъективную вероятность” каждого из них в будущем, т. е. на то, насколько вероятно, что в будущем будет субъективно восприниматься тот или иной эвереттовский мир. Это предоставляет механизм влияния на “субъективную реальность” и может, в частности, объяснить “вероятностные чудеса”, то есть кажущееся нарушение научных законов. Фактически в таком случае законы науки не нарушаются, а впечатление, что происходит чудо, является следствием того, что маловероятное событие интуитивно кажется абсолютно невозможным, что, строго говоря, неверно» [4. С. 29-30].

Мы привели достаточно большую выдержку из работы М.Б. Менского для того, чтобы читателю, не знакомому с его трудами, было легче проследить ход нашего обсуждения этой «теории».

Прежде всего, сразу отметим, что с психологической точки зрения апелляция к понятию «сознания» в теории Эверетта и в концепции Менского чрезвычайно интересна, так как на сегодняшний момент в современной классической психологии отсутствуют сколько-нибудь разработанные теории, объясняющие суть феномена сознания. В основном классическая психология изобилует теориями, которые описывают его функции или структуру (а иногда и то, и другое вместе). Проблема сознания

до сих пор не решена ни в философском, ни в психологическом планах. Поэтому можно только признать, что представители точной науки (физики), вынуждены были обратиться к такому сверхсложному понятию, как сознание. Однако в теории Эверетта сознание употребляется только в связи с характеристикой наблюдателя и его клонов для того, чтобы подчеркнуть сам момент осознания результатов измерения в разных мирах. Концепция М.Б. Менского гораздо интереснее, поскольку, как он сам пишет, его ККС позволяет объяснить два важных феномена: свёрхинуцию и «вероятностные чудеса». От себя можем добавить, что, приняв его концепцию, мы можем объяснить практически любые психические феномены (всё то, что пока относится к парапсихологии и выводится за пределы научной психологии). Можно, например, согласиться с тем, что различные изменённые состояния сознания, вызванные медитациями, трансовыми техниками, психоделиками и пр., действительно могут открывать «дверь» ко всей суперпозиции вероятностных миров.

Здесь, однако, возникает первая трудность для понимания его теории. С одной стороны, Менский предлагает полностью отождествить сознание с «разделением альтернатив», но, с другой стороны, он пишет, «...чтобы идентифицировать понятие «сознание» с некоторым понятием из квантовой теории, мы должны интерпретировать сознание шире, как что-то способное к охвату всего квантового мира (всех альтернативных классических реальностей), а не только одной его классической проекции» [4. С. 108-109].

Но ведь это два совершенно разных подхода к пониманию сознания. В первом случае сознание не определяется как феномен, ему просто приписывается, пусть и главная, но функция: функция разделения альтернатив (налицо традиционный функционалистический подход к объяснению сознания). Второе определение приводит нас к постановке уже классического, философского вопроса: если сознание отождествляется со всем квантовым миром, то *что* изучает физика: сознание или квантовый мир? И тогда – *что* из них первично? (Заметим, что для неортодоксального психолога этот вывод звучит даже лестно, так как в последние сто лет психология усиленно стремилась приблизиться к естественным наукам, и вдруг обнаруживается, что основная психологическая категория изучается физиками!).

Далее Менский даёт такое определение сознания: «... мы приходим к следующей гипотезе идентификации. Способность человека, называемая сознанием, – это то же самое явление или понятие, которое появилось в (многомировой версии) квантовой теории как разделение единственного квантового мира на классические альтернативы» (Там же). Однако и здесь следует заметить, что сам Эверетт никогда не давал определение сознанию; он утверждал только, что сознание определяет момент коллапса волновой функции (сам момент осознания результата измерения)! Принять такую дефиницию сознания не представляется возможным, поскольку, согласно им же данному определению, сознание существует всегда, в виде квантовой суперпозиции, как единственно реальный квантовый мир! А проявляется оно как субъективно реальный мир только как коллапс волновой функции.

Для разрешения этого противоречия и объяснения роли психики и сознания в квантовой картине мира можно высказать следующую гипотезу. Менский предлагает, безусловно, правильный подход, когда говорит, «чтобы идентифицировать понятие “сознания” с некоторым понятием из квантовой теории, мы должны интерпретировать сознание шире...», однако, с нашей точки зрения, надо интерпретировать шире не сознание, а *коллективное бессознательное* (по К. Юнгу), и тогда все противоречия снимаются. Следовательно, не сознание существует в виде квантовой суперпозиции, а бессознательное, тогда как сознание проявляется именно в момент коллапса волновой функции при разделении миров, порождая то, что мы и называем осознанной реальностью.

Таким образом, наша точка зрения состоит в том, *именно коллективное бессознательное необходимо интерпретировать как то, что способно к охвату всего квантового мира (всех альтернативных классических реальностей), в отличие от сознания, которое определяет только одну из его классических проекций.*

Такая интерпретация коллективного бессознательного и сознания позволяет, во-первых, отказаться от никому не понятного термина «сверхсознания», к которому апеллирует М.Б. Менский, заменив его на «коллективное бессознательное» (далее просто «бессознательное») – термин, который принят и широко используется в научной психологии. Во-вторых, открываются широкие возможности для философского и психологического анализа не только основных противоречий в теории квантовой механики, но и тех противоречий, которые сложились в самой философии и психологии. Поясним, какие возможности мы имеем в виду.

Прежде всего, необходимо отметить, что ни теория Эверетта, ни концепция М.Б. Менского, несмотря на всю их кажущуюся экстравагантность, не нарушают материалистического принципа, на котором построена квантовая физика. При этом, однако, по-прежнему остается нерешенной проблема сознания, поскольку ему отводится «скромная» функция фиксации «объективной» реальности. Да и в квантовой физике принятие понятия «многомирия» не ведет к каким-то качественным прорывам, а просто снимает возникшее теоретическое противоречие. Совсем другая картина возникает, если мы принимаем данное выше соотношение между понятиями: «бессознательное», «квантовый мир» и «сознание». В этом определении бессознательное отождествляется с квантовым миром, т.е. с той субстанцией, которую изучают физики. Если рассматривать это отождествление «через призму современного развития естествознания, то мы неминуемо выходим на необходимость признания диалектического аспекта, – рассмотрения этих категорий как тождества противоположностей, причем противоположностей, взаимообуславливающих друг друга и взаимопревращающихся» [5. С. 158].

Поэтому, не вдаваясь в дискуссию об основном философском вопросе (что первично, а что вторично), можно говорить о том, что существует: а) бессознательное, понятое, как квантовый мир, или б) квантовый мир, понятый, как бессознательное (как говорится, кому какой выбор нравится больше). Здесь уместно привести точку зрения выдающегося физика Э. Шредингера, который, рассуждая о том, чем отличается органическая материя от неорганической, пишет: «... только от наблюдателя зависит, *что* именно желает он рассматривать в некоторой вещи как существующее, а что как несуществующее. *Per se* все одинаково существенно. Быть органическим или неорганическим было бы тогда *не столько свойством объекта, как, скорее, характером нашей точки зрения* (выделено нами. – Г.П.) и свойством того, на что мы обращаем внимание» [12. С. 62]. И далее, «мне представляется, что мнение, согласно которому *фундаментальное* отличие органического от неорганического заключено не в свойствах объекта, а в точке зрения субъекта, вполне заслуживает обдумывания. Оно устраняет постоянно возникающее сомнение в том, что это «совершенно другое» органическое возникло – мыслимо ли это – «постепенно» из неорганического» (Там же). Таким образом, заканчивая свою мысль, Э. Шредингер подчеркивает, что предметом исследования мы можем сделать или неизменяемую материю, меняющую свою форму, или неизменную форму, способную к изменению материи (жизнь), но ни в коем случае не обе одновременно.

При такой трактовке квантового мира снимается вопрос о дуализме, так как психическая и физическая субстанции отождествляются (или, если хотите, становятся «двумя сторонами одной медали»), но остается вопрос об онтологическом статусе квантового мира. При ответе на этот вопрос, на наш взгляд, не следует торопиться и отказываться от метафизического подхода, принимая во внимание, что даже физики признавали его роль в развитии научного знания. Сошлемся опять на Э. Шредингера, который отмечал, что «...метафизика не является частью самого здания науки, но подобна, скорее, деревянным лесам, без которых нельзя обойтись при постройке здания. Может быть, допустимо даже сказать: метафизика *превращается* в процессе развития в физику, правда, не в том смысле, как это могло бы выглядеть до Канта: ни в коем случае не путем установления справедливости ранее спорного мнения, но посредством прояснения и *изменения* философской точки зрения» [12. С. 13].

Другой важный вывод, который можно сделать из такого отождествления, состоит в том, что сознание *определяет* реально существующий (но субъективный) мир (вряд ли кто из психологов будет оспаривать то, что каждый человек живет в своем субъективном мире).

Попытаемся несколько подробнее обосновать выдвинутые нами предположения. Логика подсказывает, что, если мы исходим из гипотезы отождествления бессознательного с квантовым миром, мы можем рассматривать бессознательное как некоторую полевую структуру, ибо то, какое содержание вкладывал в коллективное бессознательное К. Юнг, никак нельзя объяснить, кроме как приняв его полевую природу или, по выражению В.В. Налимова, приняв гипотезу о «субстанциональном существовании потока образов вне индивидуального человека» [6. С. 252].

Здесь уместно напомнить, что К. Юнг, размышляя о психике, писал, что «...либо психика не может быть локализована в пространстве, либо пространство относительно для психики. То же рассуждение применимо к темпоральной детерминации психики и психической релятивности времени» [13. С. 536]. Косвенно подтверждает эту гипотезу и антропный принцип участия, гласящий, что вселенная может существовать только в том случае, если в ней будут присутствовать разумные наблюдатели. Можно, конечно, еще объяснить коллективное бессознательное наличием некоторого древнего «персистентного» содержания закодированного где-то в генных структурах человека, но такое объяснение, помимо ограниченных объяснительных возможностей, выглядит, с нашей точки зрения, нереально.

Еще одно важное следствие, вытекающее из обсуждаемой гипотезы, основано на принципе дополнителности Бора, применительно к квантовой физике звучит так: «В самом деле, только взаимное исключение всяких двух экспериментальных манипуляций, которые позволили бы дать однозначное определение двух взаимно-дополнительных физических величин, – только это взаимное исключение и освобождает место для новых физических законов, совместное существование которых могло бы, на первый взгляд, показаться противоречащим основным принципам построения науки. Именно эту совершенно новую ситуацию в отношении описания физических явлений мы и пытались характеризовать термином *дополнительность*» [10. С. 454]. Таким образом, применительно к нашей гипотезе, этот принцип можно трактовать так, что если бы мы исследовали какой-либо объект, то мы не могли бы одновременно описать его и физические, и психические свойства: либо то – либо другое.

Здесь, возможно, надо сразу ответить критикам «полевых теорий сознания»: принятие этой гипотезы никак не подрывает устоев классической психологии. Более того, как классическая физика вошла составной частью в глобальную теорию квантовой физики, так и полевая теория бессознательного могла бы вобрать в себя всю классическую психологию, не отменив при этом практически ни одного психологического (или психофизиологического) закона. На наш взгляд, принятию этой гипотезы мешают скорее не психологические, а идеологические основания.

Подобные идеи о полевой структуре сознания отнюдь не новы: они высказывались и ранее зарубежными и отечественными учеными. В частности, А. Шимони совершенно справедливо пишет о том, что «...понятие физической энергии, являющееся основой современной физики, должно рассматриваться лишь как часть более общего понятия составной или сложной энергии (эмоциональной, целенаправленной и способной к конечному синтезу в субъективной форме), которая и проявляет себя в завершенном событии» [11. С. 146]. Действительно, даже в современной классической психологии употребление термина «психическая энергия» не вызывает никаких возражений.

Далее, в качестве примера можно сослаться на работы отечественного (с нашей точки зрения, выдающегося) ученого В.В. Налимова [8; 9], который, в частности, писал о том, что «Представление о субстанциональном характере континуального сознания, глубоко связанное с философскими учениями Востока, не чуждо и западным философским представлениям. В каком-то смысле оно напоминает учение об идеях Платона, представление о мировой воле Шопенгауэра и идеи Юнга об архетипах в коллективном бессознательном... Фромм, следуя Бёкку, предпочитает уже говорить о *Космическом сознании*.

Сейчас нет необходимости соотносить эти построения с беспредметным идеализмом, поскольку *современные космогонические представления готовы к безграничному расширению нашего представления о материальности Вселенной* (выделено нами. – Г.П.). Уместно здесь также напомнить, что некоторые серьезные математики глубоко убеждены в том, что они в своей творческой деятельности не изобретают, а открывают реально и независимо от них существующие абстрактные структуры» [6. С. 251].

Мы не напрасно выделили в этой цитате упоминание о современных космологических теориях, как было показано нами выше, среди физиков, занимающихся квантовой механикой, есть много сторонников теории «мультивселенной» (в частности, к ним можно отнести А. Госвами, Б. Грина, Р. Пенроуза, Эверетта Хью, М.Б. Менского и др.). В рамках этой гипотезы в системе классической психологии получает свое «законное» место такая ее относительно новая (и пока еще не вполне признанная) область, как трансперсональная психология. Эта гипотеза позволяет также объяснить все феномены, связанные с измененными состояниями сознания, и тогда добытые в исследовании бессознательного «психологические факты», в том числе «паранормальные», можно ввести в официальные рамки психологической науки.

Несколько суживая рамки обсуждаемой гипотезы, В.В. Налимов предлагает ограничиться (пока) утверждением о том, что континуальные потоки (бессознательного), находясь вне человека, существуют в пределах человечества, что, с нашей точки зрения, вполне согласуется с антропным принципом участия.

Еще одна сложная проблема, которая требует рассмотрения в рамках выдвинутой гипотезы, – это проблема доступности новой информации (часто являющейся прорывом в науке), которая, как предполагается, сосредоточена в коллективном бессознательном. Фактически это вопрос о том, каким образом человек может подключаться к этому полю бессознательного и черпать оттуда информацию и почему одним людям доступна такая новая информация, а другим – нет.

Можно примерно так сформулировать ответ на эти вопросы. С нашей точки зрения, доступность к (принципиально) новой информации связана с уровнем развития личностного бессознательного тех или иных людей. Скорее всего, чем выше уровень развития личностного бессознательного, чем больше он соответствует каким-то, пока нам неизвестным, принципам организации коллективно-бессознательного, тем больше у данного человека возможности «считать» такую информацию. Собственно же механизмом считывания, по мнению В.В. Налимова, является «...механизм континуального мышления [который. – Г.П.] носит аналоговый характер...» и далее: «Возможно, что механизм глубинного – аналогового – мышления носит не столько мозговой, сколько общесоматический характер. Человек в каком-то глубоком смысле мыслит всем своим телом» [6. С. 253]. Здесь В.В. Налимов очень точно схватывает суть различных медитативных техник, в которых уделяется большое внимание различного рода техникам дыхания и упражнениям, которые позволяют телу занимать при медитациях определенные позы. Кроме того, им выдвигается гипотеза о том, что «некоторые химические вещества действуют как триггер, открывая сознание человека континуальным потокам мысли. Не происходит ли в процессе медитации, сосредоточения и молитвы выработка каких-то химических веществ, действующих так же, как некий триггер?» [там же]. На наш взгляд, очень смелая, перспективная и к тому же проверяемая гипотеза (в смысле механизма считывания), однако, вопрос о принципах подключения остается пока открытым.

Опираясь на всё вышесказанное, невозможно не согласиться с В.А. Мазилковым, который, анализируя состояние методологии современной психологии, пишет о необходимости сделать «психическое» основным предметом психологии. В частности, он отмечает: «можно констатировать, что трактовка и понимание предмета психологической науки в настоящее время нуждаются в пересмотре, так как не выполняют необходимых функций и не позволяют психологии стать фундаментальной научной дисциплиной, которой она должна стать в соответствии со своим местом в структуре научного знания» [3. С. 143]. И далее: «... в истории психологической мысли можно увидеть несколько подходов, которые приблизились к такому пониманию [предмета психологии. – Г.П.] (столь необходимому для сегодняшней науки). Правда, для того, чтобы их «заметить», необходимо: 1) критически отнестись к старому пониманию; 2) увидеть методологическое значение нового понимания. И первое, и второе, как показывает жизнь, вовсе не так просто осуществить.... Несомненно, одним из наиболее разработанных вариантов нетрадиционного понимания предмета является подход, сформулированный в аналитической психологии К.Г. Юнга... Прежде всего, должна быть отмечена попытка Юнга вернуть в науку психическое как реальность» (там же).

По сути, мы ничего нового и не предлагаем, кроме того как «критически отнестись к старому пониманию» психического (бессознательного в понимании К. Юнга) и «увидеть методологическое значение» его нового (полевого) понимания в свете предлагаемой гипотезы, основанной на законах квантовой физики. Здесь следует заметить, что, говоря о «законах квантовой физики», мы не имеем в виду, что психическое должно описываться на языке физики. Мы сослались на эти законы только для того, чтобы подчеркнуть, что физическое должно изучаться физическими науками с помощью адекватных этой науке методов и средств, а психическое – психологией (также с помощью *адекватных ей* методов и средств), не забывая при этом, что физическое и психическое – это единое целое, «две стороны одной медали». Перед тем как продолжить обсуждение «психического», как предмета психологии, следует уточнить, что мы будем понимать под этим термином.

Итак, вслед за К. Юнгом, под психическим (*psyche* – душа) в общих чертах будем понимать *коллективное и личностное бессознательное, а также все явления, связанные с сознанием, полагая далее, что психическое существует в виде поля* (признавая при этом, что современная наука пока не в состоянии дать ответ на вопрос о его природе).

Общепризнанно, что каждая наука использует свой собственный, специфический язык (тезаурус) описания своего предмета исследования и психология здесь не является исключением. Однако современная психологическая наука характеризуется избыточной «многопредметностью», поскольку практически каждое психологическое понятие может быть объявлено предметом психологии, а затем для его изучения создается масса различных теорий; если сюда же добавить еще и «многокатегориальность» психологии, то становится понятной тщетность продолжающихся уже более ста лет попыток создать некоторую целостную общепсихологическую теорию (человека).

Признать *основным предметом* изучения «психическое» важно еще и потому, что именно этот язык психологии «открывает возможность задавать свои собственные, особые – только ему свойст-

венные – вопросы» [9. С. 20]. Без постановки таких вопросов, в которых могут содержаться качественно новые дефиниции, положения, гипотезы (пусть даже и кажущиеся на данный момент нереальными), невозможно и построение принципиально новой теории психического. Если в такой теории постулируется, например, существование каких-то принципиально ненаблюдаемых (или вероятностных) психических феноменов, то успешность (предсказательность) такой теории «может быть использована для оправдания постфактум её базисной архитектуры, даже в том случае, когда архитектура находится за рамками наших возможностей для её непосредственного восприятия» [2. С. 180].

Однако сделать предметом психологии «психическое» – это только первый шаг к приобретению психологией самостоятельности, и этот шаг, хотя и трудный (особенно в идеологическом плане), но принципиально решаемый. Второй шаг более сложный: это создание языка, на котором можно было бы не только описывать психическое, но и строить базовую архитектуру его новой теории. К тому же такая теория должна быть способна не только вобрать в себя всю классическую психологию, но и позволяла бы включить в научную сферу исследования многочисленные (и, заметим, экспериментально зафиксированные) «паранормальные» психологические феномены, которые до сих пор остаются за ее рамками. Принимая психическое как основной предмет психологии, можно также выделить и главные категории психического, к таковым, по мнению К. Юнга, следовало бы отнести апперцепцию, узнавание, мышление, чувственный тон, оценивание, интуицию и сновидения.

Помимо языка и теории, потребовалось бы и создание новых методов изучения психического, причем, если для исследования его (так называемой) «сознательной части» уже имеется много разработанных и проверенных практикой методов исследования, то разработать подобные методы для исследования «бессознательной» части психического (имеются в виду коллективное и личностное бессознательное) еще только предстоит. Однако и здесь есть уже определенные наработки, в частности, сделанные самим К. Юнгом, которые могут быть положены в основу новой методологии диагностики психических явлений. К ним, например, можно отнести исследование сновидений, «активного воображения» (последовательность фантазий, порождаемых преднамеренной концентрацией), патопсихологических случаев, фантазий, наблюдаемых в состоянии транса, синхронистичности и др. [13].

В завершение статьи, как практический пример частичной реализации высказанных выше положений, приведем одно из первых (успешных на наш взгляд) экспериментальных исследований В.В. Налимова и Ж.А. Дрогалиной [7], в котором они предприняли попытку построить модель бессознательного, в результате чего выделили ряд таких его характеристик, как его целостность, архаичность, инвариантность к проявлению культуры настоящего, образность, инвариантность пространственно-временных отношений и другие. Оценивая это исследование, безусловно, как интересное, весьма перспективное и даже смелое, учитывая время его проведения, можно только задать вопрос, насколько его авторам удалось диагностировать именно «коллективное бессознательное» (не было ли в полученных продуктах влияния «личностного бессознательного»), поскольку К. Юнг писал, что «диагностика коллективного бессознательного – далеко не всегда легкая задача. Совсем не достаточно указать на часто очевидную архетипическую природу бессознательных продуктов, ибо они с равным успехом могут оказаться производными от того, что приобретено через посредство языка и образования. Необходимо также исключить криптомнезию, что иногда почти невозможно сделать» [13. С. 72]. Кроме того, не являясь профессиональными психологами, они достаточно свободно обращаются с понятиями «сознание» и «бессознательное» (часто используя их как синонимы), однако в целом (повторим еще раз) изложенные ими гипотезы, проведенные эксперименты и сделанные выводы, безусловно, представляют собой перспективный материал, который требует дальнейшего теоретического осмысления и экспериментальной проверки.

В заключение отметим, что пока еще недостаточно теоретических и экспериментальных исследований для того, чтобы сколько-нибудь убедительно подтвердить гипотезу о полевой природе психики. Но уже имеющиеся данные, с нашей точки зрения, достаточны для того, чтобы считать правомерной постановку такой гипотезы и дальнейшего ее серьезного изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Госвами А. Физика души. Квантовая книга жизни, умирания, перевоплощения и бессмертия / пер. с англ. А. Киселева. М.: Постум, 2013. 352 с.
2. Грин Б. Скрытая реальность: параллельные миры и глубинные законы космоса / пер. с англ. под ред. О.В. Малышенко. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 300 с.

3. Мазилев В.А. Стены и мосты: методология психологической науки. Монография. Ижевск: ERGO, 2015. 196 с.
4. Менский М.Б. Сознание и квантовая механика: Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания – из квантовой реальности) / авториз. пер. с англ. В.М. Ваксмана. Фрязино: Век 2. 2011. 320 с.
5. Минасян Л.А. Единая теория поля: Философский анализ современных проблем физики элементарных частиц и космологии. Опыт синергетического осмысления. М.: КомКнига. 2005. 176 с.
6. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1979. 303 с.
7. Налимов В.В., Дрогалина Ж.А. Вероятностная модель бессознательного. Бессознательное, как проявление семантической вселенной // Психологический журнал. 1984. Т. 5, № 6. С. 111-122.
8. Налимов В.В. Осознающая себя Вселенная / Астрономия и современная картина мира // РАН. Ин-т философии; ред. В.В. Казютинский. М.: ИФ РАН, 1996. С. 50-55.
9. Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. Изд. 3-е. М.: Академический проект; Парадигма, 2011. 399 с.
10. Фок В.А., Эйнштейн, А. и др. Можно ли считать, что квантово-механическое описание физической реальности является полным? / В.А. Фок, А. Эйнштейн, Б. Подольский и Н. Розен, Н. Бор. // Успехи физических наук. 1936. Т. XVI, вып. 4. С. 436-457.
11. Хокинг С. и др. Большое, малое и человеческий разум / Роджер Пенроуз, Абнер Шимонн, Нэнси Картрайт, Стивен Хокинг / пер. с англ. А. Хачояна под ред. Ю. Данилова. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008. 191 с.
12. Шредингер Э. Мой взгляд на мир / пер. с нем. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 152 с.
13. Юнг К.Г. Сознание и бессознательное: Сборник / пер. с англ. СПб.: Университетская книга, 1997. 544 с.

Поступила в редакцию 23.05.17

G.S. Prygin

QUANTUM CONCEPTS OF CONSCIOUSNESS: OPPORTUNITIES AND DEVELOPMENT PROSPECTS OF PSYCHOLOGICAL SCIENCE

The article deals with the philosophical and psychological aspects of constructing the quantum concepts of consciousness. It is stated that at the current stage of development of both quantum physics and psychology rigorous quantum concepts of consciousness do not exist. It is shown that on the basis of some phenomena discovered in quantum physics, it is possible to propose hypothesis about the field nature of the unconscious (mental). In addition, the use of "psychic" category as a main subject matter of psychology, allows to overcome the permanent crisis in psychology, as well as to include in the scope of research such psychic phenomena which previously remained outside the scope of scientific research.

Keywords: quantum mechanics, multiverse, consciousness, unconscious, subjective reality, subject of psychology, language of psychology.

Прыгин Геннадий Самуилович,
доктор психологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный
педагогический университет»
423806, Россия, г. Набережные Челны,
ул. Низаметдинова, 28
E-mail: gsprygin@mail.ru

Prygin G.S.,
Doctor of Psychology, Professor
Naberezhnochelninsky State Pedagogical University
Nizametdinova st., 28, Naberezhnye Chelny, Russia,
423806
E-mail: gsprygin@mail.ru